

Александр Бергельсон

ДЯДЬКИ С НЕБА

Истории о юных годах Ильи Муромца

Александр Бергельсон

Дядьки с неба

«Издательские решения»

Бергельсон А.

Дядьки с неба / А. Бергельсон — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-533309-4

Илья отправляется к чёрному колдуну Навиславу, чтобы раз и навсегда покончить с ним, виноватым, как считает Илья, в огромном количестве зла, на земле творимого. Илье предстоит встретить старца Фёдора, который оказывается вовсе и не старцем, а отставшим от космических пришельцев отроком, да и Навислав, как выяснится, вовсе и не злой чародей, как это Илье казалось... Ещё одна книга о приключениях Ильи, о временах его юности и о том, как появился мир, в котором предстоит совершать ему свои подвиги.

ISBN 978-5-00-533309-4

© Бергельсон А.
© Издательские решения

Содержание

Александр Бергelson	6
-----	7
2. Изба наружная	11
3. Извне вовнутрь	15
4. Чай с малиной и разговором	19
Конец ознакомительного фрагмента.	24

Дядьки с неба

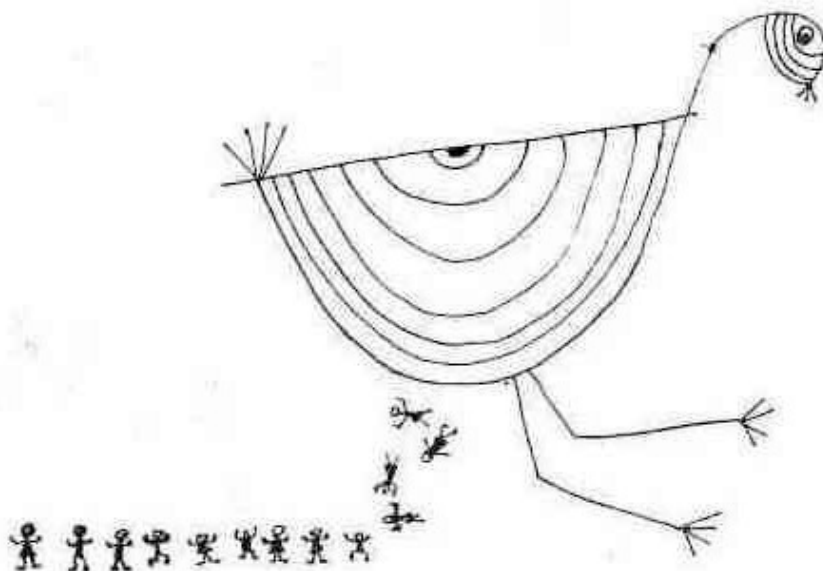
Александр Бергельсон

© Александр Бергельсон, 2021

ISBN 978-5-0053-3309-4

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Александр Бергельсон Дядьки с Неба

Не всегда научные тайны должны открываться любому, так как некоторые способны дурно использовать их. Часто мудрецы выдают за магические самые обычные книги, полные доброй науки, чтоб оберечь их от нескромного любопытства.

Умберто Эко. «Имя розы»

1. Старец Фёдор

Эксперты по установлению контактов с пришельцами с других планет... Люди еще не видели ни одного такого пришельца, но у них уже есть эксперты по контактам с ними.

Терри Пратчетт. «Крылья»

– Садись, Илья. – Старец Фёдор ткнул корявым пальцем на чурбан около костра. – Давно тебя жду.

Илья вежливо поклонился.

– Здрав будь, дидо.

Фёдор протянул Илье грубо тёсанную, кривобокую деревянную чашку с кутьёй.

– Помяни, паря, меня, едою погребальной по обычаям нашим.

Илья внимательно оглядел старца.

На мёртвого Фёдор не походил вовсе.

– Да ты не сомневайся: мертвей не бывает. Мне, как трупаку, уже, почитай, десятый год. А по виду – не суди, вид он таков оттого, что те особи Мировых Пространств, к которым отношусь я, проживают жизни вначале от малого к старику, а потом – наоборот, от старика к малому. И дано нам девять чередований бытия, после чего мы обязаны найти себе новое телесное нахождение.

– На меня, что ли, целишь? – Илья взял щепоть кутьи, и стал чинно жевать, запивая хмельным мёдом из протянутого Старцем вослед кутьи ковша.

– Нет, что ты.

Старец тоже кутьи отведал, но только поморщился и плошку прочь отставил брезгливо.

– Для перерождения необходим младенец ещё в материнской утробе. У меня к тебе, Илья, дело другое.

– Мы ведь сюда случайно попали. Объяснить сложно, но, если коротко, было дело так. Промеж звёзд небесных и светил неслись мы, долго ли, коротко, на особой небесной колеснице. Только поломалась колесница. Совсем. Пришлось делать остановку на вашей Землице.

– Так ты, стало быть, из Небесных Дядек. – Илья заинтересованно уставился на Фёдора. – Слыхал я про вас.

– Это от кого же? – Удивился Старец. – Мало тех, кто про нас правду знает, а кто знает, тот лишнего не болтает.

– Нечай Голован рассказывал, вечная ему память. – Отвечал Илья.

– Голован? – Старец просветлел лицом. – Умнейший человек. Он мне одну подсказку дал... постой-ка!

Фёдор вскинулся.

– Почему – память? Он, что же, преставился, горемыка?

– Пропал. – Илья поставил чашку с кутьёю на деревянен стол, как попало сварганенный посередь поляны. – А то, что умнейший, это да. Дай, Боги, *таких* средь людей побольше, и век земной им подольше, чтобы несли они знания, и было б тогда везде процветание.

– Поведай мне, как Голован сгинул. – Старец требовательно и строго смотрел на Илью. – Прощу, *паря*, расскажи! Мне это очень важно.

Илья и рассказал.

Со всеми подробностями.

О ту пору он не знал ещё, что слова иной раз во много дороже злата-серебра и другой твёрдой валюты.

– Значит, *не получилось* у Голована. – Старец задумчиво смотрел куда-то в бескрайнюю даль небесную. – Что ж, так тому и быть. Теперь, Илья, я тебе открою, зачем позвал. Но учти, история будет долгой.

И Старец Фёдор начал рассказ свой.

– Первоначальные знания человек получил от нас, Звёздных Пращуров, Небесных Пра-родителей. Мы, когда вынужденную посадку на Земле совершили, столкнулись с огромным числом разных видов будущего населения Земли. Были гиганты – две сажени ростом, но умом зело малы: только бы им жрать! Были малявки, аршин всего, но злобны, аж жуть: всё себе подчинить, всех в рабов обратить, а кто сопротивляется, того к *ногтю*. Помню ещё, чудовища *разны* и драконы, вполне разумны, но перспектив выживания никаких: опыт прочих мест, где мы жизнь засевали, показывал чётко, – никогда чудища с драконами не могли пережить обязательные для всех Земель нашествия ледников. Ещё отдельно отмечу Думающий Папоротник: мозгов, как у десятерых самых умных людей, но совести нет, мораль не привьёшь, и мысли исключительно о размножении. Так что, более всего нам приглянулись тогда вы, люди, ибо открылась нам в возможностях ваших важнейшая на будущее вещь: рано иль поздно, но могли вы изобрести ту науку, которая способна вернуть нас обратно на небеса, – летающие меж звёзд *машины*.

– Машины? – переспросил Илья. – Это как? Я осадны машины знаю, Лютобор рассказывал. На них, что ли, летать?

– Нет. – Старец тяжело вздохнул. – Другие. Но ты этим головы не заморачивай. Вам ещё до подобного знания веков десять топать, да сплошь бездорожьем. Словом, вас нам выбрать пришлось, больше, увы, было некого. Вот только, те знания, что мы вам передавали, либо не в те руки попали, либо, почти все, оказались утрачены предками твоими по ходу развития жизненного бытия. Мало чем сумели люди распорядиться с умом. И были на то особые причины.

Старец помолчал, словно обдумывая что, а потом сказал так.

– Нашлись особые человеки, которых вы стали позже называть «Колдуны». Они прибрали знания, дабы пользоваться таковыми исключительно в своих целях. Один из таких, заграбаставших, тебе уже известен: Чёрный Колдун Навислав.

– К нему и иду. – Коротко отвечал Илья.

– Знаю. – Кивнул Фёдор-старец. – Потому и послал тебе прямо в голову мысль наводящую: ко мне завернуть. Тут, Илья, дело такое. Навислав у меня, понимаешь, когда я ещё в прошлом Рождении Человеческом пребывал, обманом в доверие вкравшись, скрал-умыкнул Сущностный Кристалл. Это такой всеильный амулет, при помощи коего можно, что хочешь, сделать из ничего, а что хочешь – в ничто превратить, смерти придать, и уничтожить, словно и не было, без следа и памяти.

Неожиданно небо потемнело.

Илья отчётливо увидел, как сосны вокруг поляны изменили облик свой.

Теперь они более всего напоминали вонзившиеся в землю стрелы.

Словно стрелял по кругу поляны, как в мишень нарисованную, кто-то сверху, но не попал, ни разу, а лишь натыкал вокруг густо, да и бросил это дело, ругаясь и сердясь, где-то там, в сферах вышних.

– Не сердись, брат! – Крикнул в небо Старец. – Я в твои дела не лезу, а ты в мои не смей! Что значит, *твой* Илья? Он, как и всякий человек, *только сам себе принадлежит!* Я тебе уже тыщу лет твержу: страшнее и вреднее вот этого «*мой*» ничего *вы*, Боги, изобрести не могли! Короче: мы промеж собой потом разберёмся, а сейчас – прекрати вмешиваться, братец Сварожка, а не то, ты меня знаешь: мало не покажется! Понял?

Небо просветлело опять.

Ушло ощущение угрозы.

Но – словно нехотя, светлели небеса, да и угроза уходила с видом обиженной бабы, которая ещё обязательно отомстит, ибо характер её не позволяет иначе, просто из принципа.

– Так Сварог брат твой? – Осторожно поинтересовался Илья.

– Наше родство *иное*. – Отвечал Старец. – Мы, как бы это сказать, все *равны*. Но они, – Фёдор ткнул пальцем вверх, – когда всех нас волею случая *сюда* на веки вечные забросило, выбрали Стезю Величия. Так что, теперь процветают на всём готовом, обитающие на Небесах в виде Богов ваших. Спор наш давен, но тебе про него знать без надобности. А вот что касается Колдуна Навислава, тут и есть моя к тебе просьба. Ты собрался ему отмстить, и это правильно. Прошу тебя вот о чём: забери Кристалл, паря. Иначе...

Старец схватился за голову.

– Беда будет, Илья! Большая беда! Ведь что надумал Навислав, когда ты Череп его Западной разрубил мечом вострым? Надумал, понимаешь, сотворить через Кристалл тот себе Демона Вспомогателя! И – сотворил, ирод! Придал ему, Демону, вид Избы, и теперь, тать, стоит в одном шаге от полного захвата Мировой Власти. Нарушил ты, друг сердечный, равновесие, которое *до того* держалось вокруг Навислава исключительно только за счёт Чёрного Черепа. Смекаешь?

– А то. – Отвечал Илья. – Ясен пень: надо с Колдуном проклятым решать, как я понимаю, самым на то действенным образом.

– Секир башка? – Только и спросил Старец.

– Именно. – Илья сурово посмотрел на Старца. – А что, есть другой путь?

– Другой! – Фёдор опять тяжело вздохнул. – Ты ещё *этот* пройти попробуй. Тут, парень, есть одна закавыка...

И рассказал Старец Фёдор вот что.

– Прежде, чем делать секир башка Навиславу-Колдуну, надоть, брат ситный, с его Демоном-Вспомогателем справиться, то есть, в его Избу Лесную попасть. А это задача посложней будет, чем, к примеру, – Фёдор мечтательно вздохнул, – пробраться в гарем Хана Мраз-Нафигам ибн Задэ. А! Вижу, про него ты пока не слышал. Что ж, скажу тебе, как оно есть: в гареме этого дурака столетнего каждые два месяца путём насильственного умыкания со всего света белого, идёт пополнение личного состава жён из безумно жаждущих любви молодых дев. Всего их там томится около ста тысяч. Сам Хан, конечно, мужик в деле любовном геройский, но ведь

на всех ежедневно его, само собою, не хватает. Так что, земля слухом полнится, но влечением неудовлетворённым женским, к гарему ханскому зазывающим, куда, как более. Герои так и прут *попробовать*... Вот только *попасть* – охohoшеньки! – никому покуда не удалось. Все сгинули, растерзанные дикими нуреками, абреками и собако-человеками, ибо ни нуреков, ни абреков, ни собако-человеков Хан Мраз-Нафигам не кормит никогда, а позволяет питаться исключительно лезущими в поисках *приключений любовных* героями.

– Сурово. – Задумчиво заметил Илья, и Старец сразу понял: юный герой взял его историю на заметку.

– Слушай дальше.

Фёдор опять посуровел ликом.

– На самом деле, оно только с виду – Изба, а по сути сущности своей – вовсе даже и Непрístupная Крепость, преисполненная оборонной магией и непропускательным для непрошенных гостёчков тайно-ловушечным волшебством. Но у меня вот тут, – Старец посту- чал себе по лбу, – планчик подробный есть, и я те его нарисую во всех подробностях...

Илья, сказать честно, некоторые слова Старца Фёдора не понимал вовсе, но молча слу- шал, ибо решил про себя так: что запомню, то моё, а остальное, ежели мимо головёнки проле- тело, то, значит, и не надо было его понимать лично мне вовсе.

А ещё – ещё всю дорогу разговорную со Старцем где-то под сердцем у Ильяхи копоши- лось недоверие.

Что-то, понимаете ли, было во всём этом *неправильно*.

А вот *что* – вот так вот, сходу, не разберёшься...

Ну, никак, сколько не пробуй.

И Илья резонно решил не касаться покуда вопросов доверия, но и не упускать из виду наличия в речах Старца Фёдора возможного подвоха.

2. Изба наружная

Избушка на курьих ножках: в славянской мифологии — место перехода из земного мира в потусторонний мир. Поворачиваясь, Избушка открывает свою дверь то в мир живых, то в мир мёртвых.

Материал из Википедии – свободной энциклопедии.

Изба Навислава стояла посреди поляны дубравной, к лесу дверью, а к поляне – единственным, давным-давно невымытым, оконцем.

Дикая была Изба.

Суровая.

Даже страшноватая.

Брёвна черны от времени, то ли мох на них ядовитый пророс, то ли плесень вековечная, всех известных видов, какие есть, а также и тех, которые только здесь, на бочарах Избы, и водятся.

От стен холод прям душу насквозь морозит, а крыша кривая так на глаза действует, что голова сама в себе болит и гонит одну бесперывную мысль: иди отсюда!

Да брось ты даже думать о том, чтобы к Избе идти!

Ну её.

Заховаться надо, спрятаться подальше, чтобы себя как можно скорее и надёжнее обезопасить...

Илья сидел в кустах и смотрел на Избу уже с час.

За это время ни одна птица, да что там – птица! – комары с мухами, к Избе не подлетели ни разу.

Потому как не могли.

Нет, пробовали, конечно, многие, но словно бы натыкались на какую преграду невидимую, и, если не падали, разбившись, то летели прочь, больше даже не пробуя.

А потом на поляну вышел Страшила.

Илья его сразу признал, ибо знал: есть такие!

Про них Голован рассказывал, когда подробно объяснял, с кем или чем ватаге столкнуться вполне может быть придётся в поземельных ходах.

Страшилою становится обычный Домовой, ежели его Дома, где он Защитник и Хозяин волшебный, лишит насильно, тогда-то, недовольный случившимся и оскорблённый до всей своей сути, добрый Дух-Хранитель Жилища и всего, что в нем находится, удивительным образом перевоплощается из добродушного, заботливого старичка в уродливого сволочного гада, который готов на любую мерзость невыносимую, дабы только насолить столь подло обошедшемуся с ним Миру.

Особенно стоит отметить появляющийся у превратившегося из Домового в Страшилу склочный характер, замешанный на поношении любых деяний людских.

– Понаставили Изб-то, нелюди, где и *жить нельзя!* – Орал, надрываясь, Страшила, топоча ножищами.

Каждая ножища была величиною с колесо тележное, и отпечаток оставляла таков, что, по прикидке Ильи, весу в Страшиле получалось пудов двадцать.

Да и ростом был ужас ходячий под стать ножище: явственно чуть выше дерева стоячего, но, однозначно, малость ниже облака ходячего.

– Разве ж *такая* должна быть Изба? – Ревел Страшила. – Разве ж в лесу? Разве ж без огорода, без наличников на окне, без трубы дымоходной? Где *всецело необходимой?* Как смеее жити в неправильном строении? Рушить! Ломать! Изничтожать!

И кинулся, со всей злобы, потрясая огромными кулачищами, Избу крушить.

За что и получил.

Илья даже присвистнул.

Неподъёмную тушу Страшилы отбросило как раз в промежуток над соснами лесными и сводом небесным.

А когда Страшила на землю опять громыхнулся, то был уже вовсе и не Страшилою, а отвратительного вида и запаха кучей горелого мяса.

Изба тем временем повернулась.

Теперь она стояла не окном, а дверью к поляне.

– Ну, что за народ? – Голос у Избы был явно расстроенный. – Тысячу раз говорено: просьба *не беспокоить!* Заранее предупреждаю о возможных последствиях, вплоть до полного лишения, как жизни, так и сущности, – всё равно, лезут! Действительно: *beata stultica aeternum*: вечная, блаженная глупость. Видимо, нужны более действенные методы профилактики! Ничего не поделаешь: в конце концов, *сами напросились...*

Потом что-то громко щёлкнуло, и Илья почувствовал дикую боль в голове.

Одновременно с болью пришло чёткое осознание: и вправду, не пойдут!

Жизнь дороже.

Но не тот Илья был человек, чтобы поддаваться.

Даже наоборот: боль в головушке лишь заставила Илью глубоко обдумать прямо сейчас перед ним происходящее.

Тем более что к Избе приближался новый гость.

Земля дрожала, деревья от страха словно бы стали ниже ростом.

Илья проверил засаду свою: надёжна ли?

Выходило, надёжней некуда.

И вышел на поляну Змей Горыныч; из голов его, числом три, вырывалось пламя, крылья, пошевеливаясь, лес шатали, будто сие – травинки.

Но Илья опять заметил некоторую странность.

Ничего из на пути попадавшегося, Змей не рушил.

Даже наоборот.

Шёл бережно, дышал осторожно, и хвостом шевелил с явным расчетом ничего вокруг не повредить вообще.

Встав в изрядной безопасной удалённости от Избы, Горыныч подал голос.

– О милости умоляю, дядюшка. – Проговорил Горыныч весьма просительным тоном. – Верните облик человеческий! Сил нету более! Виноват я. Какое угодно наказание приму, только избавьте от облика драконьего и змейства!

– Нет. – Отвечала Избушка. – Сказано было: тридцать три века, изволь влачить существование соответственно проклятию. И вообще: раньше нужно было думать.

Изба замолчала.

Горыныч же заревел и заплакал во все три головы.

– Не трать время, племянничек. – Посоветовала Изба. – Что ты там должен делать по договору? Напомни.

– Напада-а-ать...

Горыныч утирал слёзы хвостом.

С хвоста капало на землю, ибо хвост уже был насквозь мокр.

– Вот и нападай.

Изба неожиданно куда-то исчезла, зато на её месте организовалось нечто круглое, явно неприступное даже на вид, цвета болотного и с дырками, из которых торчали устрашающего вида стреляющие штуковины.

Горыныч со вздохом напал, рыгая огнём.

Штуковины в долгу не остались.

Илья почувствовал сильный жар, и отполз подале: ну их, пусть выясняют без него, – мы это дело переждём в сторонке...

Огнём плевались взаимно и убедительно, рёв и грохот организовав такой, что уши у Ильи заложило напрочь.

– Первый! Первый! – Орала зачем-то Изба, ни к кому, на самом деле, не обращаясь. – Обходи справа! Не оголяй фланг! Не жди резерва! Атакуй!

Горыныч тряс головами, и тоже орал, причём, судя по крикам, остальные две головы считали свою левую соратницу исключительно редкой трусливой дурой.

– Опять она филонит! – Ругалась средняя. – Кто ж так огонь плюёт? Сколько раз тебе говорить: угол плевка рассчитывается по кривой, изогнутой куполом в небо! Чем кривее купол, тем дальше плевков!

– Не понимаю я всей этой дребедени. – Моргала левая длиннющими ресницами. – По мне, плевков – он всегда плевков и есть.

– А чё ж тогда зажмуривайсис, плюйся? – Вмешивалась голова третья. – Ты ж даже и не глядишь, куды плювок целит!

– Естественная девичья робость перед войной. – Опять моргала левая. – Ах, как я устала от бессмысленной агрессии! Хочу на лужок! Хочу ромашку! Хочу, обрывая лепестки, тихонечко гадать: любит – не любит...

– Дура! – Хором отзывались средняя и правая. – Ду-у-ура!

Что, впрочем, совершенно не мешало военным действиям и Избы, и Горыныча.

Илья тихонечко хмыкнул.

Происходящее никак не походило на серьёзный бой.

Тем паче, что и никаких шибких последствий от сражения не наблюдалось, хотя вокруг давно уже должен был уже всю пожар бушевать, а воители славные исходить предсмертной мукой от ран.

– Играются! – Прошептал Илья. – Но зачем? Зачем?..

Тут огонь ударил по зарослям, где прятался Илья, да так плотно, что пришлось ему отползти подальше, ибо одежда едва не вспыхнула, а лицо едва удалось защитить от ожога, рукой своевременно заслоняясь.

Впрочем, на лбу вскочил изрядный ожоговый волдырь.

Видимо, правила игры включали в себя любое баловство, с условием полного сохранения окружающей среды, но не включали безопасности подглядывающего.

3. Извне вовнутрь

Никогда не приписывай человеческой зловредности того, что можно объяснить просто глупостью.

Джон Чертон Коллинз

Когда всё стихло, Илья выглянул из засады своей.

Изба опять выглядела Избой, обычной и ничем не примечательной.

А вот трава вокруг оказалась изрядно пожжена и сильно вытоптана, да и деревья на опушке – кто покосился, а кто и повалился.

Но – интересно дело! – трава уже проросла снова, прямо на глазах, с завидной быстротой тесня и заменяя попорченную.

Деревья, как господа более степенные, оживая, залечивали раны вовсе даже не торопясь, вальяжно и вдумчиво.

Илья завертел головой в поисках Горыныча.

Вот он, горемычный.

Идёт, шатаясь, краем поляны, хвост переломан, крылья обгорели, и на всех трёх головах под правым глазом совершенно одинаковые глубокие ссадины с торчащим кусманом какой-то заржавленной железяки.

Слышно было, как Горыныч сквозь слёзы бормочет:

– Это ж естественное племянничье желание: дядины богатства! В чём же вина моя? Разве ж я сам? Принято так... а он? Разве ж можно? В Змея обратился – ладно, дело житейское. Но зачем же *вот так*? Ни богатыря мне, поединщика, ни Змеицы, подруги: одиночество и полная невидимость для любых прочих форм сущего... к тому же – бессмертен! Горе мне! Горе!..

На этот раз голос был один, мужской, а вовсе даже не три разных женских.

Горыныч дошёл до края поляны, и растаял без следа, словно его и не было.

Илья потрогал обожженный лоб.

Волдыря от ожога больше не наблюдалось.

– Да уж. – Пробурчал Илья. – Шалунишки, блин.

Более всего удивляло Илью даже не сами имевшие место события, а то, *как* ему, Илье, было безумно жалко Горыныча.

Понимаете: жалко, хотя – никогда бы в жизни не поверил Илья, скажи ему кто, что он может вот так вот, среди бела дня, пожалеть исконно вредящего людям Змеюгу.

– Цыц! – Приказал Илья сам себе, и всякие лишние мысли отогнал усилием воли.

Надо было думать о другом, важном и нужном.

Для начала – решить, как ему, Илье, в Избу попасть, чтобы с Навиславом разобраться по-свойски?

Но в голову ничего толком не приходило.

Нет, конечно, можно было попробовать вызвать Колдуна на честной поединок.

Но, во-первых, вряд ли старый хитрюга на это пойдёт, а, во-вторых, чего-то расхотелось Илье вот так вот, резко и сразу, махать мечом.

Дальше в голову пришла мысль ещё более неожиданная.

Дескать, Ильюха, любопытно было бы какое-то время до убивания Навислава *ради справедливой мести за сгинувшую ватагу*, с ним малость поговорить.

И опять удивился Илья: раньше особого желания с уже определившимся врагом вступать в разговоры у него не возникало ни разу.

– Ну, и долго, молодой человек, вы собираетесь сидеть в столь обильных нынешним летом кустах *Sambucus racemosa*?.. – Поинтересовалась вдруг Изба.

– Чаво? – Оторопев, растерянно переспросил Илья.

– Красной бузины. – Илье показалось, что Изба даже хихикнула. – Мой вам совет: чем глупостями заниматься, лучше учите языки! «*Ab initio nullum, semper nullum*», – как говаривают, почти здесь у нас, к сожалению неизвестные, латиняне: «Из ничего, ничего и не выйдем». Идите в дом. Сейчас я сниму защиты.

Изба как-то вся засветилась изнутри, пошевелила крышей, и с хрустом выдвинула из стенки своей некую блестящую, то ли железную, то ли ещё какую, лестницу, которая сама собой сделалась крыльцом.

– Вам надо будет сказать при входе волшебное слово. – Продолжила Изба речи свои. – Без него хода вовнутрь нет. Так уж я тут всё устроил: даже при моём прямом и конкретном указании кого-то пропустить, Охранный Проверяльщик требует дополнительных подтверждений. Голос ведь можно подделать, да и бывало уже: пытались обмануть, используя всё, вплоть до моего облика. Ради *проникновения*, многие готовы на такую подлость, такое коварство, что...

– Какое слово-то? – Перебил Избу Илья. – Быстрее давайте! А то сюда опять ктой-то идёт из ворогов ваших.

И то – верно.

Со стороны леса явственно слышался непонятный грохот, и всё сильнее начинало пованивать едучей гадостью, вроде той, которая бывает, если болота горят торфяные, причём, горят уже не первый месяц, и явно не по своей воле.

– Да-да, – Изба опять начала светиться изнутри, – вы, безусловно, правы. Взойдите на крыльцо, и прямо в дверь скажите отчётливо, два раза подряд: «*Скоро наскоро скороговор скороговорил, выскороговаривал, что все скороговорки перевыскороговорит, но, заскороговорившись, выскороговаривал, что всех скороговоримых скороговорок не перескороговоришь, не перевыскороговоришь!*» Запомнили?

– Запомнил. – Ответил Илья, подошёл к двери, и со страшной скоростью протараторил приказанное.

– Талантливый молодой человек! – Вскричала Изба с явным восторгом в голосе. Однако дверь не открылась.

– Как же так? – Теперь голос звучал явно растерянно. – Я ж сам пароль ставил! Или я напутал с текстом? Да нет же! Вот он: записан мною для памяти слово в слово... тогда – в чём дело?

Илья прислушался.

Грохот и запах приближались.

– Не успеваем. – Илья взялся за меч. – Счас оно *туда* будет.

– Ну, конечно! – Вскричала Изба радостно. – О, моя дырявая память! Вам, кроме речевой формулы, следует ещё приложить нос к замочной скважине.

– Нос? – Переспросил Илья.

В голосе его появилось некое едва уловимое раздражение.

– К сожалению, именно нос. – Изба горестно вздохнула. – Извините, но таково условие. И, умоляю вас, не сочтите это за попытку вас как-то унижить или, тем боле, оскорбить! Придумать пароль, который до этого никто не использовал, – вещь чрезвычайно трудная...

– Вспоминай: что ещё, кроме носа? – Перебил Илья. – Что ещё?

Воняло и грохотало уже совсем близко.

– Ни-че-го! – Вскричала Изба. – Теперь я уверен стопроцентно!

– Скоро наскоро скороговор скороговорил, выскороговаривал, что все скороговорки перевыскороговорит, но, заскороговорившись, выскороговаривал, что всех скороговоримых скороговорок не перескороговоришь, не перевыскороговоришь! – Проорал Илья, сунул нос к замку, и обернулся к краю поляны.

Там уже появилась страшное чёрное Нечто, и вонь сделалась совершенно невыносимой. Впрочем, они успели.

Дверь открылась.

Илья сиганул внутрь.

Снаружи сразу же послышались грохот и лязг, явно обозначающие начавшуюся войнушку.

– Милости прошу.

На пороге стоял лысый человек в не наших одежках.

– Позвольте представиться. Искомый вами Колдун Навислав. И – прошу к столу: вы слишком долго сидели в мокрых от росы кустах. Чаёк с малиной: вот что именно сейчас вам будет весьма кстати.

Изба содрогнулась.

Снаружи послышался какой-то лязг, вперемежку со скрежетом.

Илья напрягся, к двери поворотившись, готовый бой принять, ежели оно того требует.

– Нет-нет! – Замахал руками Навислав. – Ваш меч не понадобится. Там, снаружи, некий очередной сумасшедший сгусток энергии, которому приспичило доказать, что его невозможно победить, и что он самый наисильнейший. Признаюсь, они мне ужасно надоели. Представляете: *для данного типа существ* Богами не предусмотрено вообще никаких правил. Приходится придумывать правила самому, и вколачивать им правила эти исключительно путём совершенно несвойственного и абсолютно неприятного мне насилия.

– Получается? – Поинтересовался Илья.

– Как вам сказать. – Навислав грустно улыбнулся. – Через поколений пять-шесть, возможно, наступит запоминание, появится соответствующий *инстинкт* самосохранения, а пока... пока всё сводится к их бесконечным нападениям и с последующей неминуемой гибелью от Избы.

– Ин-стинкт. – Повторил Илья по слогам. – Ну-ну.

Тут Изба покачнулась, пол и потолок вздрогнули, по стенам пробежали какие-то светящиеся тени.

– И, опять же, не волнуйтесь. – Успокоил Илью Колдун. – Всего-навсего прямое попадание. Сейчас всё успокоится.

Действительно: снаружи кто-то заорал дурным голосом, после чего всё стихло совершенно.

– Финита ля. – Навислав подошёл к стене и погладил её ладошкой. – Спасибо вам, Изба-Матушка. Вечером я вас, родимая, подключу к Верхней Сфере: потешите душеньку Наисвежайшим Потокотом Чистой Подпитки.

Изба в ответ заурчала, как урчит котик, если его почесать за ушком.

– Но – к столу, Илья Иванович! К столу!

Навислав несколько суетливо забегал по Избе, собирая необходимые для правильного чаепития причиндалы.

– Варенье малиновое у меня в этом году просто удивительное! Такая малина, поверьте мне, вызревает один раз в сто лет, да и то – нужно ещё рецепт варки знать особенный, иначе, ну ни за что не получится *такой* консистенции и вкуса...

4. Чай с малиной и разговором

Надо полагать, что если у человека разумного нет желания нравиться, то у него вообще нет никаких желаний, ибо он не может не знать, что без этого он ничего не добьется.

Филипп Честерфилд

Теперь Илья мог, наконец-то, и оглядеться толком.
Внутри Изба оказалось вовсе не Избой, а пустым местом.
В самом прямом смысле *пустым*, ибо не было ни на стенах, ни в самой горнице вообще ни-че-го.

Где, к примеру, сундуки?
Где скрыня?
Куда ж одёжу складать, где молодой приданое копить?

А лавки?
Как же без них?
Сидеть на чём, ежели ни одной нету: ни долгой лавки, ни короткой, ни пороговой, ни кутной подле печи, вёдра с водой ставить, где посуду держать, горшки-кринки, миски-ложки, чашки-ножики?

Впрочем, самой печи Илья тоже не увидел.
Чему, кстати, поразился без меры.
И как тут не поразиться, если *без печи* Ильюха Избы представить не мог вовсе.

Но Илья не подал виду, что удивлён зело.
Наоборот, изобразил на челе равнодушно-привычное выражение: дескать, чего там – бывали и в куда, как более странных жилищах, лицезрели и куда как более волшебные обита-лица!

Потом, впрочем, среди пустой Избы по велению Навислава явился сам собою стол, а при столе – то, на чём сидеть можно, а на столе – всё, что для чаёвничания полагается, чин чином.

И чай оказался хорош, и варенье – не соврал Колдун! – выше всяких похвал.
– Рад нашему знакомству. – Рёк Навислав, когда Илья к столу сел и за чай принялся. – Представляться, думаю, лишнее. Вы, насколько я понимаю, меня убивать пришли? Зря. Вас, Илья Иванович, ввели в заблуждение. Я безобиден, и никакой угрозы никому не представляю, тем более, вам.

– А Череп? – Сурово спросил Илья, возложив руку на рукоять меча, хотя, в другой руке продолжал держать удивительно тонкой работы чашку, украшенную по округлым бокам крупными разноцветными цветами. – Тоже, скажешь, безобидна игрушка?

– Нет. – Навислав тяжело вздохнул и развел руками. – Видите ли, при любом Колдовстве выделяется огромное количество энергий самого разного вида. В свой Череп Запасной я сознательно собрал негативные остаточные явления Магии. Так сказать, *Злые*, решив их изо-

ликовать, а, собрав, удалил, спрятал, и доступ к ним закрыл, как мне казалось, максимально надёжно.

Навислав неожиданно сделался сердит.

– Наглухо закупорил! Кучу замков повесил! Все меры безопасности! Так нет: и дорогу отыскали, и ведь почти добрались, почти завладели...

Колдун сник, уныло глядя на чашку в руке.

– Вот и объясните мне, Илья Иванович: когда же это кончится? Сколько можно? Вы, как я успел заметить, хоть и молоды, весьма разумный представитель рода человеческого. Кстати, спасибо вам: если бы не ваши столь решительные действия в последней фазе авантюры Чурляя и компании... даже представить страшно, чем бы всё могло кончиться! Даже представить!

И тут Илья окончательно понял: не будет он Навислава убивать.

Вот просто не будет, и всё.

Расхотелось.

Почему? – ответ оказался совершенно для Ильи неожиданный: да потому, что каждое слово Колдуна чётко совпадало с ощущениями и мыслями самого Ильи относительно похода геройского Чурляевой ватаги.

Впрочем, Навислав вполне мог и притворяться.

Да запросто.

На то ведь, блин горелый, они и Колдуны, чтобы быть умнее и хитрее всех вокруг людей обыкновенных.

Так что, решил Ильюха незамедлительно (на всякий случай!) перепроверить ещё раз.

Просто так, исключительно исходя из главной черты своего характера: всё доводить до конца.

Чтобы, значит, потом не пришлось доделывать того, что на полпути бросил.

– Ребята, ребята, коли хотите жить богато, покупайте нитки да зашивайте дырки. – Многозначительно заметил Илья.

Поговорки и пословицы более всего подходят для создания многозначительности.

– Вы имеете в виду, что я сам оставил Черепу лазейку? – Задумался Навислав. – Не знаю. Хотя, вполне может быть. Ещё раз скажу: я ж не злодей. У меня в голове нет, и не может быть того, что есть у Чёрного Череп.

– Было. – Поправил Илья. – Потому как, в прошлом, а не сейчас.

– И опять вы правы. – Навислав рассмеялся. – Нет, с вами исключительно приятно иметь дело. Прошлое время отличается от нынешнего именно отсутствием в нынешнем такой гадости, как этот мой Запасной Чёрный Череп.

– Именно, что Чёрный. – Илья поставил чашку с недопитым чаем. – Тогда, вопрос: почему тебя, уважаемый, тоже Чёрным Колдуном зовут, если ты, как послушать, так совсем даже весь из себя Просветлённый?

– О! – Навислав тоже поставил чашку. – Тут, поверите ли, *издержки буквального перевода*. Я по рождению из того северного народа, которого здесь у вас зовут свеями. И родовая фамилия моя Svart. Так вот: если фамилию эту буквально перевести на славенские языки, «Чёрный» и получится.

– Понятно. – Илья задумчиво глядел на Навислава. – На иную хитрость станет и простоты. Выходит, перехитрил тебя Череп.

– Скорее, реализовал возможность занять моё место. – Навислав развёл руками. – Уверю вас, Череп, в отличие от меня, церемониться не собирался: сейчас я был бы уже давно мертвее мёртвого. Он же вам, Илья Иванович, достаточно откровенно и подробно поведал о своих дальнейших намерениях.

Илья не стал отвечать.

Даже наоборот: задал вместо ответа ожидаемого свой новый вопрос.

– А зачем тебе, мудрец Навислав, ента вот хитра Изба? – Илья обвёл широким жестом по сторонам. – Слышал я, истинная мудрость умеет обходиться только самым простым и необходимым.

– Золотые слова! – Навислав подскочил с места, и забегал по горнице. – Но, уверю вас, здесь нет ничего лишнего. Я, извините за нескромность, превыше всего ставлю только возможность реализации своих Идей и Планов. Плюс, конечно, безопасность. Ведь это же уму непостижимо, сколько у меня врагов! А всё почему? Всё потому, что бытует мнение: если Волшебник и Колдун, то непременно должен знать что-то такое, отчего и другим, простите, на халяву, будет богатение. Но лично я, прежде всего, учёный человек. Книги – вот богатство, знания – вот то, что дороже...

– Ага. – Илья вспомнил Голована. – Речи знакомые! Слышал я всё это уже.

И повёл разговор свой хитрый дальше.

– А вот, правда ли, будто иная Книга Мудрая, – Илья показал руками объём той Книги, какую имел в виду: толстенный, метр на метр в ширину и полметра толщиной, фолиант, – стоит как табун самых лучших боевых коней. Или нет?

– Да. – Легко согласился Навислав. – Обладая большим количеством денег, человек перестаёт беспокоиться о завтрашнем дне и ограничивать себя в желаниях. Я создал Избу: уникальную возможность для себя жить в том мире, какой мне по нраву, в котором отсутствуют проблемы бытовые. Я богат, и меня не страшат проблемы финансовые. Однако я никого не убивал просто так, и никогда не преступал закон. К примеру, Страшила, который погиб у ворот Избы, суровая плата, боль сердца моего, нравственный тупик, но – иначе не получается!

– Тогда – вопрос другой. – Илья опять указал на Избу вокруг. – Откуда ж ты, добрый человек, добываешь золото-серебро? Чай, на такую Избушку и потрачено не полушку?

– Наследство. – Скромно ответил Навислав. – Двоюродный дедушка по материнской линии у меня был, может быть доводилось слышать? Гункхур Безумный.

– Викинг Гункхур? – Илья сощурился. – Так он же ж жил тыщу лет назад!

– Именно так. Но у нас в семье все долгожители.

Навислав хлопнул в ладоши, и на стене возник огромный портрет, изображавший натурально и в мелочах свирепого дядьку в диковинных доспехах и сроду нечёсаной бородищей.

– Вот, пожалуйста. Он и оставил мне сбережения. Хотя, сказать честно, у меня тогда были сомнения морального плана: могу ли я позволить себе взять награбленное? Потом, здраво рассудив, я сделал вывод: ради науки...

Но Илья больше его не слушал.

Илья во все глаза смотрел на личину, цветными красками изображённую.

Сходство Навислава с северным конунгом было поразительное.
На самом деле, гораздо больше заинтересовало Илью нечто другое.

Гункхур Безумный с портрета как две капли воды походил и на...
Старца Фёдора.

Только у Фёдора по сравнению с известным сумасшедшим викингом, была ещё более запущенная борода и во стократ безумнее выражение глаз.

5. Правда о Старце Фёдоре и новые планы Ильи

Тот, кто поступает правильно в пятидесяти одном случае из ста, в конце концов, становится героем.

Алфред Слоун

– А кем тебе приходится, уважаемый, Старец по имени Фёдор? – Поинтересовался Илья у Навислава. – Живёт в лесу, сам неопрытен зело, и, по его словам, есть прилетевший из Иных Миров небесный житель. К тому ж, и на портрет викинга, дедушки твоёва, сильно походит...

– О, Светлые Боги! – Огорчился Навислав. – Я так и знал. Успел, всё-таки, этот несчастный типус вас перехватить.

– Я жду. – Илья смотрел на Навислава. – Или что не так?

– Всё не так! – Вскричал Колдун, садясь обратно за стол. – Причём, уже давно. Но – давайте я вам расскажу по порядку.

Череп Чёрный, основному Запасной, был отнюдь не первой попыткой Колдуна Навислава собрать накопившуюся, как он сам это называл, «остаточную после любого колдовства Злую сторону Магии», и запрятать куда подальше, на веки вечные.

Ещё в самом начале своей Практики Навислав попробовал их, отходы эти, сразу, как накопились, помещать в сосуды из самых разных металлов, камней и, даже, кости.

Но Чёрная Магия превращала сосуды в своих слуг, и начинался сущий кошмар.

– Представьте, – грустно говорил Колдун, – железный кувшин, царствующий над целым народом степных кочевников. Или – того хуже: не понять чья малая берцовая кость, захватившая власть во франкском городе Реймсе, и требующая, чтобы горожане каждые полгода приносили ей в жертву самых сильных юношей, дабы она, кость эта, могла занять, хотя бы ненадолго, но тело.

Илья кивнул: слышал он эти истории, и слышал неоднократно.

Вот только всегда считал их брехнёй, от первого до последнего слова.

А выходило – даже для враков о чём-то или о ком-то, всегда берётся мало-мальски кое-где с кем-то что-то взаправду случившееся, и только потом, путём всяческих додумок, глупых фантазий и прочей ерунды, превращается, собственно, в настоящие враки.

– И вот тогда, – продолжал Колдун, – решил я, что наиболее безопасно отправлять скопившийся магический мусор на Небеса. Уж там-то, думал я, места много, авось и не повредит никому деяние моё...

Навислав хмуро потупился.

– Зря я так решил. Ох, зря! Оказалось, Небеса чрезвычайно плотно населены. Одних Богов меряно – не меряно! Судите сами: у каждой, сколько было ранее и будет впредь Вер и Религий, своё Божество имеется, и не одно. И, какого Бога или Богиню ни возьми, – чрезвычайно тяжёлый характер, отягощённый болезненным самолюбием. Плюс исключительно свои, личные, представления о Правде: ежели каждому не отвести отдельный изолированный участок Бытия, неминуемо грянет скандал не менее чем Вселенского масштаба. Кроме того, у каждого народа в небе, Илья Иванович, своя область для Душ Умерших. Викинги с Одним пируют, Вальхалла ходуном, а рядом – тишайшие и степенные Мудрецы Богдойского Царства, заслужившие себе Рай, точнее, – Дун-тянь: «Счастливые земли».

– Это что ж за Богдойское Царство такое? – Заинтересовался Илья.

– Страна Чин. – Ответил Навислав. – Огромная Империя, которую, если ничего не случится воистину катастрофического с нашей Землёю, будут через века звать Китаем.

– А где она, страна эта? – Илья слушал очень внимательно.

В ближайших планах у Ильи, между прочим, был и такой: обойти весь Свет вдоль и поперёк, не пропустив ни одного уголка-закоулочка.

– Всё время на юго-восток, пока не упрётесь в Стену. – Стал объяснять Навислав. – Ею, Стеной Великой, всё их Богдойское Царство огорожено.

– Зачем? – Опять спросил Илья

– А чтобы не допустить проникновения чужой глупости и сохранить накопленную Мудрость. – Ответил Колдун.

– Во как... – Только и сказал Илья.

Внезапно стены Избы стали светиться, вспыхивая помигивающим голубоватым светом.

– Опасность номер тринадцать два дробь семь. – Услышал Илья голос Избы. – Категория «Особо Вредных Вторгающихся»!

Голос был какой-то не очень человеческий.

Так, к примеру, на памяти Ильюхиной, говорил Пень Колодыч: добрейший лесной долгожитель, с коим Илью свела однажды Судьба.

Пень Колодыч просил Илью пособить в деле усекновения головёнки засевшего в местной Роще Дундука-Корообьедалу, обуреваемого неистойвой страстью: снимать, сгрызаючи, девичью юную кору с молодых, едва в возраст вошедших, берёзок.

Илья не отказал, за что и вознаграждён был Пнём Колодычем сторицей: одарил Пень Колодыч Илью незаменимым в походах-странствиях оберёгом, дающим владельцу оною умение всегда выбрать самую короткую и прямоезжую дороженьку.

– Солнышко по небу идёт, с пути не собьётся. – Говорил Пень Колодыч, и слышался в речи его неспешной то ли скрип древесный, то ли шорох трав, а, может быть, даже и тихое подобие тех шепотков неумолчных, которые внутри Земли-Матушки творят неустанно Главное Заклинание Жизни. – Тут, паря, на оберёге-то, Солнышко и есть. Видишь, круг, а в круге – ножки, одна за другой, топ-топ, и всё прямёхонько туда, куда идти собрался. А резан сей волшебный оберёжик самим Богом Колядой, в незапамятны времена, чтоб, значит, раздавали мы, жители Лесные, оберёги эти особым людям, кому должно верную дорогу избрать.

– Спасибо, дедушка. – С поклоном ответил Илья, и оберёг с тех пор носил не снимая.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.